

Призраки пустыни

Давно, давно, в незапамятные времена жил в Андижане богатый и славный купец Макам-бей-мирза-Сарафеджин. Был он так же богат деньгами, как днями прожитой жизни. Если бы вы встретили в пустыне пять верблюдов, — вы могли бы, указав на пятого, сказать:

— Это верблюд Макам-бея-мирзы-Сарафеджина. И никогда бы не ошиблись.

Везде кругом ходили его караваны, развозя товары и возвращаясь к Макам-бею с золотом.

В конце концов стал беден Макам-бей только одним: часами, которые оставалось ему жить.

Лежит Макам, одинокий и бездетный, в своём доме. Лежит и не спит. Не спит и думает.

Ветер вдруг уныло, уныло провоет и замолкнет. Дерево около дома проснётся среди ночи, задрожит всё и зашумит листьями. Ворон каркнет. Стена хрустнет.

И чувствует Макам, что это ангел смерти, посланный аллахом по его душу, кругами ходит около дома. Всё меньше и меньше становятся круги. Ближе и ближе. Страшно Макаму. Послал Макам за муллой и сказал:

— Ты знаешь, что писал пророк, чего хочет аллах. Ты премудрость божия на земле. Я тебе скажу, что я думаю. А ты выслушай и скажи, что думает об этом бог.

Мулла ответил:

— Говори.

— Два светила светят миру: солнце и луна! — сказал Макам. — На солнце смотреть больно, — ослепнешь. На луну все смотрят, все любуются. Так есть и две правды на земле. Одна правда для людей, человеческая, другая — божия. Час мой уже такой, что, хочешь не хочешь, надо на солнце взглянуть. Я богат и стою своего богатства, потому что умён и дела понимаю. Чьё ж и богатство, как не моё, раз оно у меня? Это правда человеческая. А по божеской-то правде, какое ж это моё богатство. Что я делаю? Сажу в Андижане! А богатства — все сделали мои слуги. Они жарились в пустыне, их пронизывал ветер, их засыпали раскалённые пески. Они жизнью своею рисковали,

составляя богатства. Их и имущество. Я так думаю. И решил я обратиться к тебе. Когда придёт ангел смерти и возьмёт из этого тела то, что нужно аллаху, и унесёт, — возьми всё моё имущество и раздели между моими слугами. Ты знаешь, что написал пророк, и чего хотел аллах. Ты премудрость божия на земле. Что ты мне на это скажешь? Мулла встал и поклонился:

— Солнце светит с неба, а дрянь песчинка валяется на земле. Осветило её солнце, и горит песчинка, — подумаешь, драгоценный камень. Что такое мулла? Я песчинка, такая же дрянная песчинка, как и миллионы миллионов песчинок, но осветило меня солнце, и я блещу. И люди говорят: драгоценный камень горит на земле! Что я скажу тебе, когда ты говорил с аллахом? И стоит тебе советоваться с муллой, когда ты посоветовался с аллахом? Как аллах тебе велел, так ты мне и сказал. А как ты мне сказал, так я и сделаю. Умирай с миром.

Легко стало Макаму. словно тяжёлое бремя свалилось с его старых плеч.

Лежит Макам и спокойно слушает. Птица около дома шарахнулась с испуганным криком. В окно словно кто-то заглянул, проходя мимо. В сенях что-то хрустнуло. Идёт кто-то. Дверь скрипнула.

Поднялся на ковре Макам-бей-мирза-Сарафеджин и приветливо сказал:

— Добро пожаловать!

Подошёл ангел смерти к Макаму, припал с поцелуем к беззубому рту. Юными стали старческие губы Макама, отвечает он на поцелуй, как встарь отвечал на поцелуи. И, целуя, чувствует Макам, как за плечами его крылья растут, растут...

Умер Макам, а быть может, только ещё жить начал, — кто его знает.

Идут Макамовы слуги к мулле и посмеиваются:

— Богатства между всеми делить будут! Дождись! Разделят! Что ж, они и Даудке колченогому тоже богатства давать будут? Как же? Воспользуются, что дурак, дадут ему тилли[2]: «полакомься». Да и всё!

Перед мечетью лежали горы товара, лежало насыпанное на ковре золото, стояли, пофыркивая, верблюды.

— Делите сами между собою, — сказал мулла бывшим слугам Макама, — помните только, что на вас смотрит аллах!

И слуги с опаской приступили к дележу между собою богатств.

А к Даудке колченогому мулла обратился отдельно:

— А тебе, Даудка, чтоб тебя никто не обидел, — вот твоя часть!

И мулла указал Даудке на восемь верблюдов. Жирных, откормленных, крутогорбых, здоровенных.

Обрадовался Даудка, погнал верблюдов гуськом на базар и стал, ожидая, не наймёт ли кто товары куда везти. Самые лучшие на базаре верблюды — Даудкины. Пришёл на базар бухарский купец, сразу на них воззрился. Подошёл, ходит кругом, ладонями об халат бьёт:

— Ах, какие верблюды! Вот это верблюды! Чьи такие? Кто хозяин?

Даудка колченогий выступил вперёд:

— Мои теперь.

— Не возмёшь ли у меня товар в Гуль отвезти на своих верблюдах?

— Отчего ж не взять?

Купец с опаской поглядывает на верблюдов:

— А много ли хочешь?

Даудка подумал, подумал:

— Два тилли!

Засмеялся бухарский купец. До Гуля 8 дней пути. Совестно стало купцу, — кругом все смеются.

— Вот что, милый ты мой! Ты, я вижу, человек простой. Я заплачу тебе не два, а шестьдесят тилли. Иди брать мой товар.

Обрадовался Даудка, подтянул пояс потуже, зыкнул, крикнул, погнал верблюдов рысью к купцу товар брать.

Нагрузили верблюдов, как только можно было, шелками, шаями, коврами, кошмами самыми дорогими, — и караван отправился в путь: Даудка, сын купца и приказчик.

Идут они по степи. Солнце жжёт. Верблюды колокольцами позвякивают:

— Звяк... звяк...

Рядом по горячему песку ковыляет колченогий Даудка, в песке по колено вязнет, думает:

— Везу я в Гуль чужой товар, — вот бы мне свой везти!

А верблюды колокольцами позвякивают:

— Так... так...

А солнце жжёт, жжёт ещё сильнее.

— Буду я всю жизнь свою вот так-то на солнце жариться, пока совсем не испекусь! Чужие товары возить, — думает Даудка.

А верблюды колокольцами, словно посмеиваются:

— Вот... вот...

А солнце жжёт. А солнце жжёт! Падает от жажды Даудка. В глазах мутится.

— Словно около реки всю жизнь стоять! — думает Даудка. — С раскрытым ртом, от жаждыдохнуть! Мимо сколько воды течёт. А тебе в рот когда-когда капелька брызнет.

И мерещится Даудке.

Отвёз он свой товар в Гуль, продал, нового закупил, такого же вот Даудку на базаре нанял. Жарься тот Даудка, вези товар! А он будет себе сидеть, как Макам-бей-мирза-Сарафеджин сидел, — да ждать, когда деньги ему привезут.

— Только, — усмехается про себя колченогий Даудка, — я-то уж шестидесяти тилли Даудке не дам, ежели два просит! Пусть за два и везёт, если он такой дурак!

Остановились на третий ночлег. Стреножили верблюдов, развели костёр, поели и легли спать. Притворяется Даудка, будто спит. Не спит Даудка. Третья ночь его лихорадка бьёт.

Когда купеческий сын и приказчик заснули, поднялся Даудка колченогий и вынул из-за пояса острый, отточенный, кривой нож.

Как кошка, неслышно шагая, подкрался Даудка к купеческому сыну. Купеческий сын спал, храпел разметавшись, откинув голову, раскинув руки. Наклонился Даудка. Горло перед ним. Дрожит Даудка, зубы стучат. А купеческий сын ему прямо в лицо дышит, храпит, носом свистит. Резнул Даудка по обнажённому горлу. Только кровь булькнула, и горячие капли

обожгли Даудке лицо. Только глаза открыл купеческий сын и руками и ногами дёрнул.

И тихо всё.

Подкрался Даудка, сгорбившись, к приказчику. Тот спал на боку. Высмотрел Даудка в горле местечко, где жила бьётся, словно мышонок там. Наставил против этого места нож остриём и изо всей силы ударил.

Замычал приказчик, ногами, руками быстро, быстро перебирать стал, задрожал всем телом и на песке длинный, длинный вытянулся. Стреноженные верблюды жевали, спокойно смотрели на то, что происходило, и только, когда в воздухе запахло свежей кровью, — фыркнули и запрыгали прочь. Поднялся весь в крови Даудка. Горячая кровь жжёт похолодевшее тело. Тихо всё.

Даудка упал на колени и коснулся лбом земли:

— Слава аллаху!

Пришёл Даудка со своим караваном в Гуль на базар, — на славный базар, который бывает раз в год. Все покупатели побежали к новому купцу. Ни у кого нет таких товаров. Новый купец, должно быть, для того, чтобы покупателей приворожить, берёт дешевле всех. Опомниться не успел, — как расторговался Даудка. Мешок с золотом насилу поднимешь, — тяжело таскать. Бросился гулять Даудка. Во всех местах, мимо которых раньше только проезжал, побывал. В чайхане певцов слушал и сказочников, над прибаутками хохотал. Смотрел, как бахчи танцуют, изгибаясь так, что затылком пола касаются. С одним большеглазым, румяным, красиво накрашенным бахчи рядом сидел, всех угощал, бахчи обнимал. Гашиш курил, на ковре валялся, сны такие видел, что вспомнить сладко.

— Ах, хорошо нам, богатым людям! Смерть ждать не надо: покурим — на земле рай можем видеть!

Сном, угаром шли дни Даудки. Проспался Даудка, очнулся:

— Хорошо-то всё это хорошо! Но надо отсюда бежать! Хватятся, узнают, откроют!

Пошёл Даудка на базар, купил себе самого лучшего коня, зашил золото в пояс. Шарахнулся даже конь, когда Даудку подсадили и Даудка в седле с такою тяжестью сел. Сел и поскакал, а верблюдов на базаре бросил:

— Пусть теперь меня ищут!

Мчится Даудка по степи из Гуля. Весело ему, играет у него душа. От радости выпрыгнуть хочет. Свищет ветер в ушах. Впереди гладь и даль. Богат и свободен. Лети куда хочешь. Живи, где захочешь. Мчится Даудка, любясь скоком лихого коня. Вдруг слышит сзади по степи топот.

Тронул Даудка поводом коня. К узорной луке наклонился. А топот всё ближе и ближе. Захолонуло у Даудки сердце:

— Погоня?

Оглянулся Даудка: гуськом бегут, гонятся за ним по степи его восемь жирных, здоровых верблюдов. Летят. Распластались по земле, шагают огромными шагами, едва касаются копытами песку. Вытянули шеи. Языки высунули.

— А! Будьте вы прокляты! Очень вы мне нужны! — выругался Даудка и хлестнул плетью коня.

Словно с ума сошёл конь. Ринулся. Не скачет — летит, а топот сзади не смолкает, не смолкает. Оглянулся Даудка. Что это за верблюды?

Поджарые, рёбра на боках выдались, горбы как пустые мешки на спинах болтаются. Шерсть вылезла, клочьями по ветру летит. Тонкие, костлявые шеи вытянуты. Глаза вылезли, на губах пена, из раздутых ноздрей кровь капает.

— Скоро, скоро сдохнете, проклятые! — со злобой думает Даудка. И принялся стегать коня плетью.

Бока ходят у коня. Дыханье со свистом вырывается из ноздрей. Кожа вся дрожит на коне.

А Даудка, пригнувшись к луке, хлещет, хлещет его плетью. А топот позади всё не умолкает, не умолкает. Чувствует Даудка, как худеет, словно тает, под ним конь. Плеть уж хлещет не по крутым бокам, а по выдавшимся рёбрам.

Шея стала тонкой, как у тех верблюдов. Озверел Даудка.

Правою рукой бьёт плетью. Левою вцепился в гриву, дёрнул, чтоб сделать сильнее:

— Скорее, скорее!

Клок гривы остался в руке у Даудки. В другом месте схватил за гриву Даудка. Снова клок гривы без труда отделился, остался в руке. Обезумел Даудка.

Наклонился, приник к шее, зубами схватился. Кусок кожи остался в зубах. А топот за спиной всё ближе и ближе.

— Не сдохли, проклятые!

Оглянулся Даудка и зашатался на седле. Верблюдов уже нет. Ни кожи, ни шерсти. Одни кости. Бегут вереницей, распластавшись по земле, скелеты верблюдов.

Бегут, летят, нагоняют. Завыл Даудка.

Бьёт коня ногами, кулаками.

Чувствует, как сам худеет. Видит, какими костлявыми становятся его кулаки. Кости, обтянутые кожей. Вьёт он коня, бьёт.

— Тяжело тебе? Тяжело?

Даудка резанул по поясу ножом. Посыпалось со звоном золото.

Легче коню. Быстрее мчится конь. А топот всё не умолкает, не умолкает. Оглянулся Даудка. Ниточкой тянется по песку сыплющееся золото, и по этой дорожке мчатся, летят, распластавшись над землёю, скелеты верблюдов. В ужасе отвернулся Даудка от страшного зрелища, в ужасе наклонился над шеей коня.

Перед ним белые позвонки. Ноги его сжимают белые круглые рёбра. Хлещет Даудка плетью по костям, — взглянул на руку: кости. Он схватился за грудь, — кости. Схватился за голову, — кости. Летит по степи скелет коня. Скелет человека бьёт его плетью.

Скелет обвязан только поясом, из пояса золотой дорожкой сыплется золото.

И по этой дорожке, распластавшись над землёй, мчатся скелеты верблюдов. И хруст костёр слышится в испуганном свисте ветра.

Путник! В тот час, когда ты томишься от жажды, и воздух дрожит от зноя, — если ты услышишь в степи стук костей и в мареве увидишь бегущие скелеты верблюдов, — знай: — Смерть! Смерть! Смерть мчится на тебя!

Спрыгивай с твоего коня, падай на горячую землю, вспоминай свои грехи.

Это Даудка колченогий и его верблюды мчатся по сожжённой степи.

Это смерть! Смерть! Смерть мчится на тебя.